

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.455

А. В. Резаев¹, П. П. Лисицын², А. М. Степанов¹

ЧАСТИЧНОЕ СОПРИЧАСТИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОДДЕРЖАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО НЕДОВОЛЬСТВА

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21

В статье представлены наработки авторов по операционализации понятия недовольства, а также предложены результаты исследовательской практики по изучению удаленной коммуникации среди трудовых мигрантов, целью которой было подтверждение или опровержение гипотезы, основанной на результатах исследовательского проекта Р. Коллинза: «с помощью удаленной коммуникации нельзя поддерживать долгосрочную эмоцию — недовольство». Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: социальная адаптация, миграция, трудовая миграция, транснациональная миграция, повседневные практики, социология эмоций, удаленная коммуникация.

THE INFLUENCE OF REMOTE COMMUNICATION ON THE COLLECTIVE DISCONTENT OF LABOR MIGRANTS

A. V. Rezaev¹, P. P. Lisitsyn², A. M. Stepanov¹

¹ St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² St. Petersburg State University of Economic and Finance, ul. Sadovaya, 21, St. Petersburg, 191023, Russian Federation

This paper aims to present some preliminary results of the research project on labor migrants' discontent. The project was supported by the Russian Humanities Scientific Foundation and the Russian institute for advance study. Our group has conducted a desk research and organized a series of discussions concerning the main theoretical references to be used in our ongoing study, as well as methods and specific techniques of gathering and analyzing empirical data. In this article we will concentrate on the theoretical framework developed by our group so far, and in particular try to argue in favor of sociology of emotions as a conceptual toolkit best suited for studying discontent. Refs 13.

Keywords: social adaptation, migration, labor migration, transnational migrants, everyday practices, of sociology of emotions, remote communication.

В июне–июле 2013 г. в Москве в рамках междисциплинарного проекта по изучению удаленной коммуникации среди трудовых мигрантов: «Ослабленное сопричастие как элемент поддержания эмоциональной энергии для проявления недовольства», было проведено исследование среди трудовых мигрантов из Узбекистана, целью которого был ответ на вопрос: Можно ли с помощью удаленной коммуникации поддерживать долгосрочную эмоцию — недовольство?

На протяжении года, исследовательская группа факультета социологии СПбГУ, АНО «Интеркомцентр» и НП «МцМп» (при финансовой поддержке РГНФ № 13-33-01008) работала над проектом, целью которого является разработка рекомендаций по снижению уровня недовольства в среде трудовых мигрантов в России и предотвращению выраженного коллективного недовольства.

В данной статье представлена попытка авторов операционализировать понятие недовольства, заимствованное из повседневной речи, и результаты исследования каналов распространения и поддержания недовольства в среде трудовых мигрантов.

Ключевым понятием данной статьи является понятие «недовольство», характерное для повседневной речи. Словарь С. И. Ожегова дает следующее определение: недовольство — это «отсутствие удовлетворённости, отрицательное отношение к кому или чему-нибудь» [1]

Таким образом, первоочередной задачей является операционализация данного понятия. И здесь мы видим два варианта решения этой проблемы. Первый и наиболее очевидный — определить недовольство в терминах теории «рационального выбора» как продукт несоответствия ожиданий и фактических результатов. Однако такое решение имеет ряд недостатков.

Во-первых, теория рационального выбора не способна выделить специфику недовольства как состояния: сама формула несоответствия ожиданий и фактических результатов является достаточным описанием ситуации в рамках этой теории, и «недовольство» в данном случае оказывается лишним словом.

Во-вторых, широкой критике подвергаются сами основы теории рационального выбора за чрезмерное упрощение человеческого поведения, которое влечет неспособность объяснять «аномалии», связанные с явно иррациональным поведением [2–7], и нормативный характер, предписывающий наиболее рациональную стратегию, но упускающий реальное развертывание действия. Такого рода «сильная» критика неизбежно поднимает вопрос о пределах «рациональной реконструкции» социальной реальности.

Второй вариант решения проблемы операционализации понятия «недовольство» основывается не столько на теориях, акцентирующих внимание на ограничениях рациональности, сколько на теориях демонстрирующих роль различных внешних факторов в ее формировании, и, в частности, — роль повседневных практик [см., напр., 8, 9]. Наиболее интересной в данном случае является теория ритуалов взаимодействия Р. Коллинза, которая продолжает традицию исследования ритуала Э. Дюркгейма и И. Гофмана [6].

Автор характеризует условия и механизм ритуала взаимодействия следующим образом. Во-первых, необходимо присутствие нескольких людей и наличие групповой границы, отделяющей их от «чужаков». Кроме того, должен присутствовать общий фокус внимания (*mutual focus of attention*) — объект, к которому обращены все присутствующие и общий настрой (*shared mood*). В этом случае возможно взаимное усиление фокуса внимания и эмоционального настроения через «ритмическое вовлечение» (*rhythmic entrainment*), которое может быть выражено в форме дружеской беседы, аплодисментов в театре, одновременного смеха или как-либо еще. Если вовлечение имеет место, в группе возникает «коллективное возбуждение» (*collective efferve scence*), характеризующее успешный ритуал взаимодействия.

Иными словами недовольство в данном случае понимается как сумма ритуалов взаимодействия. Это понимание является ключевым для нашей статьи, и все последующие идеи и их прикладное воплощение основывается на этом утверждении.

Согласно Коллинзу, следствием ритуала взаимодействия является увеличение эмоциональной энергии в индивиде.

Эмоции — это неотъемлемая часть социального взаимодействия. Они представляют одну из составляющих ритуала взаимодействия (общий настрой), включены в сам процесс взаимодействия (ритмическое вовлечение, коллективное возбуждение) и являются одним из его результатов (эмоциональная энергия).

Мы предлагаем, основываясь на идеях коммуникационного ритуала, различать краткосрочные (short-term) и долгосрочные (long-term) эмоции. Первые связаны с самим взаимодействием и могут быть легко «прочитаны» в мимике и жестах. Это то, что понимается под эмоциями в обыденном языке: страх, гнев, восторг, удивление, зависть и т. п. Краткосрочные эмоции являются ответом на резкие изменения, перепады в «потоке» эмоциональной энергии в ходе взаимодействия. Краткосрочные эмоции могут влиять как на увеличение, так и уменьшение эмоциональной энергии. В отличие от них, долгосрочные эмоции — это длительные эмоциональные состояния, являющиеся результатом цепочки взаимодействий. Именно этот результат Коллинз и называет «эмоциональной энергией», которая может быть определена как готовность вступать во взаимодействие, сопровождающаяся чувством уверенности и энтузиазмом. Таким образом, чем выше эмоциональная энергия индивида, тем легче ему достичь успешного ритуала взаимодействия.

При этом Коллинз выделяет два типа ритуалов взаимодействия — статусные и властные, — которые могут накладываться друг на друга или существовать в «чистом» виде [см. также 10]¹.

Властные ритуалы основаны на неравенстве и фокусируются на приказе. Статусные же ритуалы происходят внутри группы равных по статусу принадлежности к данной группе индивидов. При этом внутри группы распределение эмоциональной энергии происходит неравномерно: у тех, кто находится в центре внимания, прирост эмоциональной энергии больше, у тех, кто на периферии, — меньше. Тем не менее, в случае успешного ритуала эмоциональная энергия возрастает у всех членов группы.

Важным вопросом является вопрос о длительности сохранения эмоциональной энергии после успешного ритуала, а также о ее востребованности в период между взаимодействиями.

Коллинз полагает, что эмоциональная энергия сохраняется непродолжительный период — от нескольких часов до нескольких дней — и требует постоянного возобновления через успешные ритуалы взаимодействия. Между взаимодействиями она сохраняется в сакральных объектах (групповых символах), имеющих для индивида эмоциональную притягательность. Эти объекты могут быть результатом прошлых ритуалов или заимствованы из разделяемого культурного фона. Чем больше эта притягательность для участников взаимодействия, тем легче им достичь коллективного возбуждения в следующем ритуале. Поэтому индивиды склонны вступать в те

¹ Оба типа ритуалов могут основываться как на физической сопричастности, так и на удаленном общении. Однако полевое исследование выделило исключительно статусный тип удаленного общения, мигрант–мигрант.

ритуалы (с теми же участниками, по поводу тех же сакральных объектов), которые в прошлом были успешными.

Таким образом, в рамках концептуального аппарата теории ритуалов взаимодействия недовольство — это долгосрочная эмоция. Можно наблюдать моментальные проявления недовольства во время взаимодействия, но само недовольство — это длительное эмоциональное состояние, которое производится и воспроизводится через цепочки ритуалов взаимодействия.

На первый взгляд, недовольство как отрицательное эмоциональное состояние должно соответствовать низкому уровню эмоциональной энергии. Однако ее низкий уровень, согласно Коллинзу, выражается в депрессии — в избегании ритуалов взаимодействия и неспособности участвовать в них. Недовольство же предполагает активную отрицательную реакцию в адрес кого-либо или чего-либо. Во время взаимодействий оно может актуализироваться в краткосрочных эмоциях, таких как гнев, раздражение, зависть, обида (*resentment*). Следовательно, недовольство как долгосрочная эмоция и сопровождающие его краткосрочные эмоции требуют умеренного уровня эмоциональной энергии — достаточного, чтобы быть активно недовольным, но не достаточного, чтобы повлиять на объект недовольства. Низкий уровень эмоциональной энергии будет иметь следствием не недовольство, а апатию.

Иными словами, недовольство может существовать исключительно при условии того, что какой-либо ритуал взаимодействия даст эмоциональную энергию, достаточную для того, чтобы поддерживать недовольство.

При этом эмоция (недовольство, в частности) тесно связана с действием (или осознанным отказом от него). Юн Эльстер и Джек Барбалет, указывают на то, что эмоции являются критически важным измерением действия, являясь не столько противоположностью рациональности, сколько ее необходимым основанием. Эльстер рассматривает «тенденцию к действию» (*tendency of action*) как одну из ключевых характеристик эмоции [11–13], а Барбалет видит в эмоциях ключевой опыт, необходимый для реализации коллективного действия [2–4]. Опираясь на работы Т.Х. Маршалла, Барбалет указывает на то, что социальное неравенство имеет эмоциональное измерение, выражающееся во взаимных чувствах классов по отношению друг к другу, не сводящееся при этом к психическому опыту отдельных индивидов. Классовые эмоции всегда имеют место в условиях социального неравенства. При этом наиболее важной из них является чувство возмущения и обиды (*classresentment*), которое индивиды и группы испытывают в ситуации, когда внешняя сила (*agency*) лишает их возможностей и ценных ресурсов (в том числе статуса), которые в иной ситуации были бы им доступны [2].

Прежде чем переходить к результатам исследования, необходимо отметить, что исследуемая группа (трудовые мигранты города Москва) имеют ярко выраженное групповое деление, которое подчеркивалось трудовыми мигрантами в ходе исследования. При этом определяется не только реальная коммуникационная группа, как то друзья, семья, коллеги по работе, но также и символическая группа, определяемая в терминах «гастеры», «узбеки», «понаехавшие»². Также в исследуемых коммуника-

² Названия символического сообщества взяты из интервью с трудовыми мигрантами из Узбекистана, проведенного в г. Москва.

тивных практиках присутствует общий фокус внимания, определяемый сходными практиками повседневности трудовых мигрантов. Общие проблемы при взаимодействии с принимающей стороной (полиция, местные жители, работодатель и т. д.) создают общий коммуникативный настрой, а постоянное взаимодействие дает возможность ритмического вовлечения в форме дружеской беседы и т. п.

Кроме того, необходимо отметить, что ритуалы взаимодействия рассматривались исследователями с позиции «успешности» и «неудачи» коммуникации.

Успешный ритуал имеет несколько следствий. Во-первых, у его участников возникает групповая солидарность, они осознают себя единой группой, принадлежность к которой осознается как нечто ценное. Во-вторых, появляются символы принадлежности, или сакральные объекты, притягательные для членов группы (часто это те объекты, на которых фокусировалось общее внимание). В-третьих, ритуал часто порождает стандарты групповой морали, направленные на защиту сакральных объектов. И, наконец, следствием ритуала взаимодействия является увеличение эмоциональной энергии в индивиде.

При этом, крайне важным для исследовательской практики изучения недовольства представляется вопрос о способности удаленного соприсутствия обеспечить все составляющие процесса, ведущего к успешности совершенного ритуала. Так как, если удаленное соприсутствие позволяет создавать «успешные» ритуалы взаимодействия, то это существенно расширяет возможности мигрантов в получении эмоциональной энергии, что может привести к проявлению недовольства.

В современном мире типы удаленного соприсутствия попадают в зависимость от устройств, обеспечивающих удаленную коммуникацию. Существенными, с точки зрения плотности и форм коммуникации, являются устройства обеспечивающие «screen-to-screen» и «scream-to-scream» communication. «Scream-to-scream communication» — вид коммуникации, предполагающий телефонный разговор, а «screen-to-screen communication» — вид коммуникации, предполагающий SMS общение и общение в социальных сетях.

В ходе исследования мы рассматривали случаи удаленной коммуникации обоих типов, но посредством одного устройства — мобильного телефона.

В ходе исследования было проведено десять глубинных интервью с представителями трудовых мигрантов из Узбекистана в России. Информанты различались по возрасту, месту работы и времени приезда в Россию. Среди них было семь представителей рабочих специальностей в возрасте 24–33 лет, два представителя сферы обслуживания (официанты) в возрасте 21–29 лет и один предприниматель 45 лет, приехавший в Москву 12 лет назад. Каждый информант являлся обладателем мобильного телефона, а один из них (рабочий, проживающий один год в Москве, имел два телефона).

Рабочей гипотезой исследования являлось предположение о том, что удаленная коммуникация через мобильные устройства позволяет мигрантам совершать успешные ритуалы взаимодействия.

Для того, чтобы считать ритуалы взаимодействия «успешными», они должны удовлетворять нескольким критериям. Во-первых, внутри одной группы (реальной или символической) должна быть налажена интенсивная коммуникация, а, во-вторых, должны существовать объекты общего сфокусированного внимания, стандарты групповой морали, направленные на защиту сакральных объектов.

Как показывают результаты исследования, внутри исследуемой группы налажена плотная коммуникация. Все информанты используют мобильные телефоны с расширенными функциями, в частности с возможностью доступа в интернет, с возможностью фотографирования и т. п.

У мигрантов рабочих специальностей количество звонков в день не превышало сорока, при этом нижний предел коммуникационной активности ограничивался девятнадцатью звонками³. Продолжительность каждого звонка составила от 3 до 14 минут. Адресаты звонков у всех исследуемых мигрантов делятся на два типа: по работе и по личным делам. В обоих случаях общение происходит с земляками, иногда с одними и теми же людьми. При этом доли звонков, связанных с работой, составляют от 7% до 30%, а доли звонков по личным делам, соответственно, от 70% до 93%. Язык, на котором происходит общение через мобильное устройство, в 80% случаев является родным языком информанта.

Показатели SMS коммуникации говорят о меньшей интенсивности «screen-to-screen communication», по сравнению с «scream-to-scream». Количество писем в день, варьируется у всех информантов от трех до пяти. При этом темы писем исключительно личные, и, как правило, строго информативные: «адрес написать», «телефон друга», «назначить время и место встречи, чтобы не забыть».

Показатели интернет активности мигрантов стремятся к нулю, основная активность заключается в использовании различных сайтов знакомств, где содержание общения ограничивается легким флиртом, знакомством и назначением места и времени встречи.

Об интенсивности пользования телефоном также говорят суммы, потраченные на мобильную связь в месяц. Все информанты используют безлимитные тарифы, а сумма потраченных денег варьируется от 1 100 рублей до 2 500 рублей в месяц.

Таким образом, все выше упомянутые показатели говорят об интенсивной, налаженной удаленной коммуникации внутри реальной группы друзей и знакомых, а также внутри одного символического сообщества — сообщества мигрантов.

После выделения плотной групповой коммуникации, следующей задачей для проверки гипотезы «успешности» ритуала взаимодействия стало определение объектов общего сфокусированного внимания, а также стандартов групповой морали, направленных на защиту сакральных объектов.

Для определения фокуса внимания, требовалось определить наиболее частые темы коммуникационного процесса. Анализ проведенных интервью показал, что содержание разговоров информантов строится в зависимости от событий, которые произошли с момента последней коммуникации. При этом события, происходящие с каждым из участников коммуникации отдельно, по сути являются аналогичными. Аналогичность переживаемых событий создает общую вовлеченность в проблему и формирует общее отношение к событию (теме разговора). Повторяющееся событие, или же аналогичное событие, одновременно возвращает акторов коммуникации к прошлому похожему событию, что является основанием для выстраивания обсуждаемых, переживаемых и оцениваемых в рамках постоянной коммуникации цепочек событий.

³ Этот результат был снят с мобильного устройства лишь одного рабочего, находившегося в Москве чуть больше года. Для нашего исследования, подобная активность скорее исключение, так как у других информантов количество звонков в день не снижалось ниже показателя 36.

Согласно полученным результатам, основными событиями, происходящими с информантами, своеобразными «приключениями», о которых стоит рассказать друзьям, являются следующие: «новая работа», «новое задание», «хамство местных», «проблемы с полицией, пропиской, документами». Все эти «приключения» являются общими для символического сообщества «приезжих» и формируют единое коммуникационное пространство, определенное общими практиками и противопоставлением «Мы» — «Они».

Итак, плотность коммуникации, общие темы, переживания и оценки, формирующиеся в процессе коммуникации, свидетельствуют о возможности проведения «успешного» ритуала взаимодействия трудовых мигрантов с помощью устройств удаленной коммуникации, то есть при удаленной сопричастности. А ежедневные звонки трудовых мигрантов, сформировав успешный ритуал взаимодействия, поддерживают их эмоциональную энергию на достаточном для активного недовольства уровне.

Важным вопросом для исследования проблемы недовольства в среде трудовых мигрантов является вопрос о том, какие ритуалы взаимодействия могут производить и воспроизводить эмоциональную энергию недовольства, а также вокруг каких объектов может фокусироваться внимание группы.

Анализ проведенных интервью позволяет нам выделить три основные группы проблем, вокруг которых выстраивается коммуникация внутри исследуемой группы.

Первая группа проблем связана с содержанием и объемом работы («большое количество работы», «огромная нагрузка», «мало времени на отдых»). Однако необходимо отметить, что, хотя эти вопросы и обсуждаются в телефонных разговорах между трудовыми мигрантами, они не вызывают ощущения неудовлетворенности, и, следовательно, не вызывают общей эмоции — недовольства. Данная проблема для мигрантов является прогнозируемой в период формирования идеи о переезде, а согласно теории ожиданий, ожидаемые проблемы не вызывают коллективного недовольства, так как лежат в границах «справедливости». Более того, большинство наших информантов воспринимают длинный рабочий день и производительность труда как конкурентное преимущество по отношению к местным жителям. Тем не менее, темы «большой нагрузки» присутствуют в содержании удаленной коммуникации, и, хотя они не становятся объектом недовольства, все же исполняют важнейшую функцию — функцию формирования групповой идентичности.

Вторая группа — это «приключения», связанные с различного рода взаимодействиями с официальными структурами, в частности с полицией (как наиболее частое взаимодействие). Обсуждение этого «приключения» с помощью удаленной коммуникации, кроме выполнения функции групповой солидарности, рождает и чувство недовольства, разделяемое участниками коммуникации. Причем, когда мы говорим о коммуникационной группе, мы не имеем в виду исключительно двух акторов одного коммуникативного действия (телефонного звонка), мы говорим о серии звонков, совершающихся подряд («я звоню сразу всем мои друзьям и рассказываю об этом») и объединенных одной темой, — рассказать о пережитом «приключении».

Третья группа проблем связана с недовольством «хамством» местных жителей. Необходимо отметить, что местные жители определялись информантами как «мо-

сквичи», однако единого образа «москвича» нет в понимании мигрантов. Понятие «местный» скорее лежит в понимании «чужой», то есть отличный от «нас».

Формирование недовольства как долгосрочной эмоции возможно только в статусных ритуалах. Только в статусных ритуалах возможно осознание общего, разделяемого всеми членами группы, недовольства и концентрация вокруг конкретного объекта, вызывающего недовольство, который становится негативным сакральным объектом. Успех такого ритуала взаимодействия — если он привел к увеличению эмоциональной энергии его участников — является предпосылкой формирования цепочки ритуалов, в которых недовольство будет воспроизводиться.

Результатом цепочки успешных ритуалов взаимодействия является формирование негативного сакрального объекта — объект недовольства, на который направлен общий фокус внимания. Все участники испытывают одинаковые негативные чувства по отношению к этому объекту (гнев, обида и т. п.), но при этом не способны изменить или уничтожить данный объект.

Что же выступает в качестве негативных сакральных объектов для группы мигрантов из Москвы? Эти объекты следует искать среди тех «приключений», которые вызывают недовольство у наших информантов, и являются основными темами, вокруг которых выстраивается коммуникация среди участников исследуемой группы.

С нашей точки зрения, особого внимания заслуживают проблемы связанные с общением мигрантов с представителями власти и местными жителями, так как разговоры о количестве и содержании работы, как было отмечено выше, не вызывают долгосрочного недовольства и, следовательно, не могут стать негативным сакральным объектом.

Результаты исследования показывают, что, говоря о взаимоотношениях с властями, наши информанты не экстраполируют свое недовольство на всю систему полиции — недовольство направлено на конкретные случаи и конкретных людей: «менты с Курской», «полиция на Таганской улице» и т. д. В данном случае сакральный объект, формирующийся в постоянном удаленном взаимодействии, разбивается по территориальному признаку, а не сводится в один общий объект, такой как вся полиция, все государство, все законы, бюрократическая система и т. п. Таким образом, недовольство мигрантов, сформированное с помощью удаленной коммуникации, не направлено на противодействие системе, и подобная долгосрочная эмоция не может перейти в открытое противостояние всей системе полиции или государства, так как пока отсутствует единый для всех негативный сакральный объект.

Обратная ситуация прослеживается во взаимоотношениях с местными жителями. «Местные» не делятся по территориальному признаку, в понимании мигрантов они являются единым объектом, главными характеристиками которого являются «хамство» и отличие от мигрантского «мы». При этом «хамство» часто вызвано несовпадением культурных стереотипов и различными правилами общественного поведения мигрантов и местных жителей.

Сакральным объектом в этих коммуникациях выступают «местные», то есть чужие, которые и являются объектами недовольства. Точных маркеров «инаковости» в представлении мигрантов пока не прослеживается, однако, с появлением таких символов, как одежда, цвет кожи, причёска, профессия и т. д., вполне возможно открытое проявление недовольства и возникновение конфликтных ситуаций.

Причем, в отличие от европейских сценариев (Франция, Германия) развития конфликтов, в России протестная активность мигрантов скорее будет направлена не на систему выстроенную государством, а на личное взаимодействие с местными жителями, что может привести к выбору Человека в качестве объекта недовольства.

Итак, подводя итог, можно сделать следующие выводы.

С нашей точки зрения, оптимальным путем операционализации понятия недовольство является использование для этого категориального аппарата теории ритуалов взаимодействия Р. Коллинза. Используя эту теорию, мы определили недовольство как долгосрочную эмоцию, которая является результатом цепочки «успешных» статусных ритуалов взаимодействия. Кроме того, недовольство как эмоция может служить как стимулом к коллективному действию участников реальной или символической группы, так и вызывать осозанный отказ от действия.

Результаты проведенного исследования дают основания утверждать, что недовольство может формироваться не только при физическом соучастии, но и с помощью удаленной коммуникации. При этом для исследуемой нами группы трудовых мигрантов более актуальной является stream-to-stream коммуникация, то есть живое общение по телефону, нежели обмен SMS или общение в сети Internet.

Предпосылки появления недовольства в среде трудовых мигрантов, зафиксированы по отношению к представителям власти и местным жителям. Однако, если по отношению к первым в исследуемой группе не сформирован единый негативный сакральный объект недовольства, то местные жители воспринимаются как единый объект — «чужие», на который направлен общий фокус внимания. То есть, соблюдены все условия для возникновения недовольства.

Основанием для этого может служить недовольство горожан по отношению к мигрантам, наблюдаемое в практиках повседневного исключения (например, дистанция в общественном транспорте или насмешки на улице). Если эти проявления достаточно сильны и воспринимаются как несправедливые (а это нуждается в проверке), они могут стать объектом недовольства при условии производства и воспроизводства недовольства во взаимодействии между самими мигрантами. Характеристика объекта недовольства также будет связана с тем, в каком контексте и между кем происходит взаимодействие. Недовольство может быть направлено на «местных» на языковых курсах и в беседах на общей кухне, на «неверных» — в религиозных ритуалах, на «русских» — во взаимодействии между мигрантами одной этнической группы, на «местные власти» — при взаимодействии с органами правопорядка.

Мы зафиксировали предпосылки недовольства, а то, против кого оно будет направлено, зависит от типа повседневных взаимодействий, в которые вступают мигранты: с кем, в каком контексте, по поводу чего, как часто и насколько успешно они взаимодействуют.

Литература

1. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/123010> (дата обращения: 11.03.2014).
2. Barbalet J. A Macro Sociology of Emotion: Class Resentment // Sociological Theory. 1992. Vol. 10, N 2. P. 150–163.
3. Barbalet J. Class Action and Class Theory: Contra Culture, Pro Emotion // Science & Society. Winter, 1996/1997. Vol. 60, N 4. P. 478–485.

4. *Barbalet J.* Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. City of Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P.224.
5. *Collins R.* C-Escalation and D-Escalation: A Theory of the Time-Dynamics of Conflict // *American Sociological Review*. 2012. Vol. 77, N 1. P. 1–20.
6. *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004. P.464.
7. *Смелзер Н. Дж.* Рациональное и амбивалентное в социальных науках // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. XV, № 1 (60). С. 5–21.
8. *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности. 1990' : СОЦИО-ЛЮГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
9. *Полани М.* Личностное знание / пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
10. *Kemper Th. D., Collins R.* Dimensions of Microinteraction // *American Journal of Sociology*. 1990. Vol. 96, N 1. P. 32–68.
11. *Elster J.* Rationality and the Emotions // *The Economic Journal*. 1996. Vol. 106, N 438. P. 1386–1397.
12. *Elster J.* Emotions and Economic Theory // *Journal of Economic Theory*. 1998. Vol. 36, Issue 1. P. 47–74.
13. *Elster J.* Rationality, Emotions and Social Norms // *Synthese*. 1994. Vol. 98. P. 21–49.

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2013 г.

Контактная информация

Резаев Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор; anrezaev@yandex.ru
Лисицын Павел Петрович — кандидат социологических наук, доцент; Fox_sociology@mail.ru
Степанов Александр Михайлович — аспирант; 9160001@gmail.com

Rezaev Andrey V. — Doctor of Philosophy, Professor; anrezaev@yandex.ru
Lisitsyn Pavel P. — Candidate of Sociology, Associate Professor; Fox_sociology@mail.ru
Stepanov Alexandr M. — post-graduate student; 9160001@gmail.com